

Андрей Белый

Пепел (сборник)

Андрей Белый
Пепел (сборник)

«Public Domain»

1908

Белый А.

Пепел (сборник) / А. Белый — «Public Domain», 1908

«Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком. Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.
Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем
суковатым
Изрыгая дым.
Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть...»

Содержание

Россия	6
Отчаянье	6
Деревня	8
Шоссе	10
Из окна вагона	11
Телеграфист	12
Каторжник	15
Вечерком	17
Бурьян	18
Арестанты	20
Веселье на Руси	21
Песенка комаринская	22
Русь	23
Родина	24
Деревня	25
Купец	25
Стар	26
Предчувствие	28
Убийство	29
Бегство	31
В городке	32
В деревне	34
Виселица	35
С высоты	37
Паутина	38
Паук	38
Судьба	40
Свадьба	42
Город	44
Старинный дом	44
Маскарад	47
Меланхолия	49
Отчаянье	50
Пир	51
Укор	53
На улице	54
Вакханалия	55
Арлекинада	56
Похороны	58
«Пока над мертвыми людьми...»	59
Прохождение	60
Безумие	61
В полях	61
Матери	62
Полевой пророк	63
Успокоение	64

В темнице	66
Утро	67
Друзьям	68
Просветы	69
Поповна	69
Жизнь	72
Все забыл	73
Кроткий отдых	74
Ты	75
Обет	76
Горемыки	77
Изгнанник	77
Бегство	78
Путь	80
Побег	81
Осень	82
Успокоение	83

Андрей Белый

Пепел (сборник)

Посвящаю эту книгу памяти Некрасова

*Что ни год – уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я звать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный дань впереди;
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.*

Н. А. Некрасов

Россия

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!
Века нищеты и безводья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —
Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,
Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,
Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —
Туда, – где смертей и болезней

Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространстве, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908
Серебряный Колодезь

Деревня

Г. А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.
Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.
Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.
Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.
Придавила их неволя.
Вы – глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,
И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будт змей взлетает блеском
Искрометных крыл.
Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце оторопь объемлет,
Очи темень ест.
При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.
С огородов над полями
Взмоется лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.
Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь – немой народ.
Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцает в синей бездне —

Продрожит – алмаз,
Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908

Серебряный Колодезь

Шоссе

Д. В. Философову

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.
В пространство бежит-убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.
Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.
Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груди дорожных камней.
Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Август 1904

Ефремов

Из окна вагона

Элису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.
Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают – вон там и вон здесь —
Пролетают – за селами села,
Пролетает – за весями весь; —
И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там – убогие стаи избенок,
Там – убогие стаи людей.
Мать-Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.
Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там – в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Август 1908

Суйда

Телеграфист

С. Н. Величкину

Окрестность леденеет
Туманным октябрём.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, —
И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет,
В окне телеграфист.
Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях — то и се.
Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.
В окне кустарник малый.
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,
Вагон, тюки, брезенты
Да гаснувший закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.
В лесу сыром, далеко
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.
Там путь пространства чертит?
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и се.
Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьёй прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —
На двадцать пять целковых —
Одежа, стол, жильё.
В краях сырых, суровых
Тянись, житьё мое! —
Вновь дали мерит взором: —
Сырой осенний дым
Над гаснувшим простором

Пылит дождем седым.
У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.
Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.
Багрянцем клен промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома ноет,
Без дел сидит жена, —
В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;
Клопочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.
Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый
На рельсах огонек... —
Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.
Слезой взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.
Идет (приподнял ворот)
К дежурству – изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.
Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавиш бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет
С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит – семафора
Взлетает красный знак.
Вдыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, бога
И жизнь, в жизни цель
Железная дорога,
Холодная постель.
Бесмыслица дневная
Сменяется иной —
Бесмыслица дневная
Бесмыслицей ночной.
Листою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.
Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.
В кисейно-нежной шали
Девушка средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906–1908

Серебряный Колодезь

Каторжник

Н. Н. Руссову

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокою месть утоля.
Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах —
Поник над родною рекой.
На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.
В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.
Железные обручи звоном
Упали над склоном речным:
Пропели над склоном зеленым —
Гремели рыданьем родным.
Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог.
Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу – за слепым частоколом —
Качался, поблескивал штык;
Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;
Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала-кидала
Дрожащий, безлиственный куст;
Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи
И берегом – берегом, ровно
Влекли их, упав на гужи;
Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клокотавшей пурге,
И едко там стужа стальная

Сжигала ветрами в тайге,
Одежду в клочки изрывая,
Треща и плеща по кустам; —
Визжа и виясь – обвивая, —
Прошелкав по бритым щекам,
Где до крови в холоде мгlistом,
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич,
К спине прилипая и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже
И строже запели пески.
Разбитые плечи доселе
Изъел ты, свинцовый рубец.
Раздвиньтесь же, хмурые ели!
Погасни, вечерний багрец!
Вот гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом,
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.
Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным,
Свинцовые воды вспенил.
А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная
Осыпалась желтым песком.
Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.
Там искры, провевя устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;
Да горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.
Там темень протопала скоком,
Да с рябью играл ветерок.
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.
Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906–1908

Серебряный Колодезь

Вечерком

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.
Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —
Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечерком, —
В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут;
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;
Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Истари летит.
Тенью бархатной и черной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зерна;
Шукнет – не поймешь:
Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце: – меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.
Протопорщился избенок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

1908

Ефремов

Бурьян

Г. Г. Шпету

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.
Клянёт он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.
Туманится в сырости – тонет
Окрестностей никнувших вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —
Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там: – из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.
Вон там: – его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон: – колкие руки подъемлет
Обсвищенный ветром бурьян.
Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.
Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целую-милая,
Их раны и ночи, и дни.
Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лесс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.
Здесь буду тебя я царапать, —
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.
Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидаёт, свинцовую ночь.
Задушит – затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом

Тяжелого олова слой.
Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.
Метется за ним до деревни
Ликует – танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растиртое грязью тряпье.
Ждут: голод да холод – ужотко;
Тюрьма да сума – впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1905–1908

Ефремов

Арестанты

В. П. Поливанову

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь – в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.
Была ливнем нас гроза:
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.
Заковали ноги вам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.
За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.
Коротал я время сном
В желтых клубах душной пыли.
Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.
Как с убийцей, с босяком,
С вором
Распевали вечерком
Хором.
Здесь, на воле, меж степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.
Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Все забудем: отдохнем —
Здесь, в волнах седой ковыли.

1904

Серебряный Колодезь

Веселье на Руси

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.
Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.
Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.
Эх —
Людям грех!
Эх – курам смех!
Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:
Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —
Да обрабатывай!
По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —
Да притоптывай!
Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть – наплевать:
Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.
Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!
Дьякон пляшет —
– Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
– Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?
– «Что такое? То и это:
Носом – в лужу, пяткой – в твердь...»
...
Раскидалась в ветре, – пляшет —
Полевая жердь: —
Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.
Бирюзовою волною
Нежит твердь.
Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906

Серебряный Колодезь

Песенка комаринская

Шел калика, шел неведомой дороженькой: —
Тень ползучую бросал своею ноженькой.
Протянулись страны хмурые, мордовские —
Нападали силы-прелести бесовские.
Приключилось тут с каликою мудреное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.
Тень возговорит калике гласом велием:
«Отпусти меня, калика, со веселием.
Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдусь себе повадочкою темною».
Да и втапору калику опрокидывала;
Кафтанишко свой по воздуху раскидывала.
Кулаками-тумаками бьет лежачего —
Вырастает выше облака ходячего.
Над рассейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский кольями.
Мужикам, дьякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Сморчом-Сморчовичем.
А и речи ее дерзкие, бесовские:
«Заведу у вас порядки не таковские;
Буду водочкой опаивать-угащивать:
Свое брюхо на напастях отращивать.
Мужичище-кулачище я почтеннейший:
Подпираюсь я дубиной здоровеннейшей!»
Темным вихорем уносит подорожного
Со пути его прямого да не ложного.
Засигает он в кабак кривой дорожкой;
Загудорит, засвистит своей гармошкой:
«Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак.
Ай люли-люли люли-люли-люли:
Кабаки-то по всея Руси пошли!..»
А и жизнь случилась втапору дурацкая:
Только ругань непристойная, кабацкая.
Кабаки огнем моргают ночкой долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою.
То и свет, родимый, видеть нам прохожего —
Видеть старого калику перехожего.
Все-то он гудорит, все-то сказы сказывает,
Все-то посохом, сердешный, вдаль указывает:
На житье-бытье-де горькое да оховое
Нападало тенью чучело гороховое.

Июнь 1907

Петровское

Русь

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!
Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.
Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?
От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.
Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908

Серебряный Колодезь

Родина

В. П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ:
И в раздолье, на воле – неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —
Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.
Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.
Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать-Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908

Москва

Деревня

Купец

Прогуляй со мною лето:
Я тебе, дружок,
Канареечного цвета
Заколю платок.
Коль отдашь тугие косы
Мне на ночь одну, —
Сапожки на ноги босы
Сам я натяну.
Коли нонче за целковый
Груди заголишь, —
Под завесою шелковой
Ночь со мной поспишь, —
Так уж из крепких бревен
Сколочу наш дом,
Так уж с села поповен
В гости призовем.
Ты сумея меня растрогать:
Я – купец богат —
Сею лен, скупаю деготь
И смолю канат.
Борода моя – лопата,
Волосата грудь.
Не гоняюсь за богатой:
Ты моею будь.
Плачет девка, ручки сложит:
«Не томи меня».
Без него прожить не может
Ни едина дня.
Он – высокий, чернобровый,
Статный паренек,
За целковый ей ковровый
Подарил платок.

1908

Серебряный Колодезь

Стар

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.
И целует, и милует
Девку паренек.
На лужок летит и дует, —
Дышит: ветерок,
Стелет травные атласы.
Не отходит прочь
Старичище седовласый:
«Сердце, не морочь!»
Парень девичий упругий
Обнимает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.
Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.
Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой.
Парень девичий упругий
Оплетает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.
Отуманен, в сердце ранен,
Стар отходит прочь,
Пал на камень бездыханен:
«Ты пролейся, ночь!
Борода моя – лопата;
Стар купчина я.
Все – мое: серебро и золото.
Люба – не моя!
И богатство мне – порука ль?»
Ветр летит с реки:
А вокруг танцует куколь,
Плещут васильки.
Тяжело дыша от зноя,
Сел в густую рожь:
«Отточу-точу уже я, —
Отточу я нож».
Задымят сырые росы

Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой: —
Улыбнется, рассмеется.
Жаворонок – там —
Как взовьется, изольется
Песню к небесам.
Знойный ток и жжет, и жарит,
Парит: быть грозе.
Тучей встав, она ударит
Молнией в бирюзе.
Светоч бешено багровый
Грохнет, тучи взрыв: —
С кручи куст многовенцовый
Хряснет под обрыв.

1908

Серебряный Колодезь

Предчувствие

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним – поля.
Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.
Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.
Где-то там тоскливый чибис
Пролетает ввысь.
Миловались вы, любились
С девкою надясь —
В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.
Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.
Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках – огни.
Паренек, сверни – сверни же,
Паренек, сверни!

1908

Суйда

Убийство

Здравствуй, брат! За око око.
Вспомни: кровь за кровь.
Мы одни. Жилье далеко.
Ей, не прекословь!
Как над этой над лужайкой
Кровь пролью твою...
Забавляюсь балалайкой,
Песенки пою.
Веселей ходите, ноги,
Лейся, говор струн!
Где-то там – в пологом логе —
Фыркает табун.
Где-то там – на скате – тройка
В отходящий день
Колокольцем всхлипнет бойко:
Тен-терень-терень!..
Протеренькай, протеренькай
Прямо на закат!
Покалякаем маленько
Мы с тобою, брат.
Отстегни-ка ворот пестрый:
К делу – что там ждать!
И всадил я ножик вострый
В грудь по рукоять.
Красною струею прыснул
Красный крови ток.
Ножик хряснул, ножик свистнул
В грудь, в живот и в бок.
Покрывая хрип проклятий,
В бархатную новь
Из-под красной рукояти
Пеной свищет кровь.
Осыпаясь прахом, склоны
Тихо шелестят;
Галки, вороны, вороны
Стаей налетят.
Неподвижные, как стекла,
Очи расклюют.
Там – вдали, над нивой блеклой,
Там – вдали: поют.
С богом, в путь! Прости навеки!
Ну, не обессудь.
Я бегу, смеживши веки.
Ветер свищет в грудь.
К ясным девкам, к верным любам

Не придет авось, —
Как его стальным я зубом
Просадил насквозь.

1908
Серебряный Колодезь

Бегство

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.
Девкам в платьницах узорных
Песнь сыграю я.
Вот на соснах – соснах черных —
Пляшет тень моя.
Как ты бьешься, как ты стонешь —
Вижу, слышу я.
Скоро, друг сердечный, сгонишь
Стаю воронья.
Веют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки —
Прямо на закат.
Ей, быстрее! И в душном дыме
Вижу – городок.
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

1906

Москва

В городке

Руки в боки: ей, лебедки,
Вам плясать пора.
Наливай в стакан мне водки —
Приголубь, сестра!
Где-то там рыдает звуком,
Где-то там – орган.
Подавай селедку с луком,
Расшнуруй свой стан.
Ты не бойся – не израню:
Дай себя обнять.
Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.
За целковым я целковый
В час один спущу,
Как в семейный, как в рублевый
Номер заташу.
Ты, чтоб не было обмана,
Оголись, дружок.
В шайку медную из крана
Брызнет кипяток.
За мое, серебро и золото
Мне не прекословь: —
На груди моей косматой
Смой мочалом кровь.
Растрепи ты веник колок,
Кипяток размыль.
Искусает едкий щелок,
Смоет кровь и пыль.
Обливай кипящим пылом.
На чисто скреби
Спину, грудь казанским мылом:
Полюби – люби!
Я девчоночку другую —
Не тебя – люблю,
Но обновку дорогую
Для тебя куплю.
Хошь я черный вор-мерзавец, —
Об заклад побьюсь,
Что на вас, моих красавиц,
В ночь раскошелюсь.
Ей, откуда, ей – узнай-ка,
Заявился я?
Трынды-трынды, балалайка,
Трыкалка моя!
По крутым речным излукам

Пролетит туман...
Где-то там рыдает звуком —
Где-то там – орган.

1908
Серебряный Колодезь

В деревне

Ходят плечи, ходят трясом,
Стонет в ночь она, —
Прошущукнет поздним класом
Стебель у окна.
«Ты померкни, свет постылый, —
В вечный темень сгинь?
Нет, не встанет из могилы
Сокол мой: аминь!
Как проходят дни за днями.
Палец жжет кольцо».
Мухи черными роями
Плещут ей лицо.
Прошущукнет поздним класом
Стебель у окна.
Ходят плечи, ходят трясом, —
Стонет в ночь она.
Стар садится под оконцем
Любу обнимать:
«Задарю тебя червонцем, —
Дай с тобой поспать!»
Но в оправе серебрёной
Стукнул грозен перст.
«Сгинь», — в молоньей зеленой
Небосвод отверст.
«Ты, обитель, богомольца
В скит принять сумей!»
Но, взвивая блеском кольца,
Прыщет в небо змей.

1907

Москва

Виселица

Жизнь свою вином расслабил
Я на склоне лет.
Сколько бил и что я грабил,
Не упомяну – нет.
Под железной под решеткой
Вовсе не уснуть.
Как придут они ужотко
Узел затянуть.
Как там столб дубовый нонче
Врыли в лыс бугор.
Заливайся, песня, звонче!
Вдаль лети же, взор!
Все не верю – не поверю...
Поздно: срок истек;
И шаги, – шаги у двери;
Заскрипел замок.
Офицер кричит конвойным:
«Сабли наголо!»
И полдневным солнцем, знойным,
Темя обожгло.
Привели. Сухою пылью
Ветер в выси взвил.
Золотой епитрахилью
Поп меня накрыл.
Вот сурово мне холодный
Под нос тычут крест.
Сколько раз я шел, свободный,
Ширью этих мест.
Сколько раз встречал, как зверь, я
В логе белый день,
Прошибал со свистом перья
Меткий мой кремень —
Скольким, скольким певчим птицам,
Вкруг окрестных сел
Скольким, скольким молодежицам
Вскидывал подол.
Закрутили петлю ловко.
Леденеет кровь.
Перекинулась веревка.
«Ей, не прекословь!»
Под ногой – сухие корни,
А под носом – смерть.
Выше, виселица, вздерни
В голубую твердь!
Подвели: зажмурюсь, нет ли —

Думать поотвык.
Вот и высунул из петли
Красный свой язык.

1908
Серебряный Колодезь

С ВЫСОТЫ

Руки рвут раскрытый ворот.
Через строй солдат
Что глядишь в полдневный город,
Отходящий брат?
Ввысь стреляют бриллиантом
Там церковей кресты.
Там кутил когда-то франтом
С ней в трактире ты.
Черные, густые клубы
К вольным небесам
Фабрик каменные трубы
Изрыгают там.
Там несется издалика,
Как в былые дни —
«Распрямись ты, рожь высока,
Тайну сохрани».
Вольный ветер гудит с востока,
Ты и нем, и глух.
Изумрудом плещут в око
Злые горсти мух.

1908

Серебряный Колодезь

Паутина

Паук

Нет, буду жить – и буду пить
Весны благоуханный запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.
Пусть на войне и стон, и крик,
И дым пороховой – пусть едок: —
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.
Пусть веточка росой блеснет;
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна...
Один. Склонился на костыль.
И страстного лобзанья просит
Душа моя...
И ветер пыль
В холодное пространство бросит, —
В лазуревых просторах носит.
И вижу: —
Ты бежишь в цветах
Под мраморную, старой аркой
В пурпуровых своих шелках
И в шляпе с кисеею яркой.
Ты вот: застенчиво-мила,
Склоняешься в мой лед и холод;
Ты не невестой мне цвела:
Жених твой и красив, и молод.
Дитя, о улыбнись, – дитя!
Вот рук – благоуханных лилий —
Браслеты бледные, – блестя,
Снопы лучей озолотили.
Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы, —
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
Ты вскрикиваешь, шепчешь мне:
«Там, где ветвей скрестились дуги,
Смотри, – крестовик в вышине
Повис на серебристом круге...»
Смеешься, убегаешь вдаль;
Там улыбнулась в дали вольной.
Бежишь – и мне чего-то жаль.

Ушла – а мне так больно, больно...
Так в бирюзовую эмаль
Над старой, озлащенной башней
Касатка малая взлетит —
И заюлит, и завизжит,
Не помня о грозе вчерашней;
За ней другая – и смотри:
За ней, повизгивая окол,
В лучах пурпуровой зари
Над глянцем колокольных стекол —
Вся черная ее семья...
Грызет меня тоска моя.
И мне кричат издалека, —
Из зарослей сырой осоки,
Что я похож на паука:
Прислушиваюсь... Смех далекий,
Потрескиванье огонька...
Приглядываюсь... Спит река...
В туманах – берегов излучья...
Туда грозит моя рука,
Сухая, мертвая... паучья...
Иду я в поле за плетень.
Рожь тюкает перепелами;
Пред изумленными очами
Свивается дневная сень.
И разольется над лугами
В ночь умножаемая тень —
Там отверзаемыми мглами,
Испепеляющими день.
И над обрывами откоса,
И над прибрежною косой
Попыхивает папироса,
Гремит и плачет колесо.
И зеленеющее просо
Разволновалось полосой...
Невыразимого вопроса —
Проникновение во все...
Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

1908

Москва

Судьба

1

Меж вешних камышей и верб
Отражена ее кручина.
Чуть прозявший белый серп
Летит лазурною пустыней —
В просветах заревых огней
Сквозь полосы далеких ливней.
Урод склоняется над ней.
И все видней ей и противней
Напудренный прыщавый нос,
Подтянутые злые губы,
Угарный запах папирос,
И голос шамкающей, грубый,
И лоб недобрый, восковой,
И галстух ярко-огневой;
И видит: —
где зеленый сук
Цветами розовыми машет
Под ветром, – лапами паук
На паутинных нитях пляшет;
Слетает с легкой быстротой,
Качается, – и вновь слетает,
И нитью бледно-золотой
Качается, а нить блистает:
Слетел и на цветок с цветка
Ползет по росянистым кочкам.
И падает ее рука
С атласным кружевным платочком;
Платочек кружевной дрожит
На розовых ее коленях:
Беспомощно она сидит
В лиловых, в ласковых сиренях.
Качается над нею нос,
Чернеются гнилые зубы;
Угарной гарью папирос
Растянутые дышат губы;
Взгляд оскорбительный и злой
Впивается холодной мглой,
И голос раздается грубый:
«Любовницей моею будь!»
Горбатится в вечернем свете
В крахмал затянутая грудь
В тяжелом, клетчатом жилете.

Вот над сафьянным башмачком
В лиловые кусты сирени
Горбатым клетчатым комком
Срывается он на колени.
Она сбегает под откос;
Безумие в стеклянном взгляде...
Стеклянные рои стрекоз
Летят в лазуревые глади.
На умирающей заре
Упала (тяжко ей и дурно)
В сырой росе, как серебре,
Над беломраморною урной.
Уж в черной, лаковой карете
Уехал он...
В чепце зеленом,
В колеблемом, в неверном свете,
Держа флакон с одеколоном,
Старушка мать над ней сидит,
Вся в кружевах, – молчит и плачет.
То канет в дым, то заблестит
Снеговой серп; и задымит
Туманами ночная даль;
Извечная висит печаль;
И чибис в полнощи плачет...

1906

Москва

Свадьба

Мы ждем. Ее все нет, все нет...
Уставившись на паперть храма
В свой черепаховый лорнет,
Какая-то сказала дама
Завистливо: «Si jeune... Quelle ange...»¹
Гляжу – туманится в вуалях:
Расправила свой флер д'оранж, —
И взором затерялась в далях.
Уж регент, руки вверх воздев,
К мерцающим, златым иконам,
Над клиросом оцепенев,
Стоит с запевшим камертоном.
Уже златит иконостас
Вечеровая багряница.
Вокруг уставились на нас
Соболезнующие лица.
Блеск золотых ее колец...
Рыдание сдавило горло
Ее, лишь свадебный венец
Рука холодная простерла.
Соединив нам руки, поп
Вкруг аналоя грустно водит,
А шафер, обтирая лоб,
Почтительно за шлейфом ходит.
Стою я, умилен, склонен,
Обмахиваясь «chapeau-claque'ом»²
Осыпала толпа княжон
Нас лилиями, мятой, маком.
Я принял, разгасясь в углу,
Хоть и не без предубежденья,
Напечатленный поцелуй —
Холодный поцелуй презренья.
Между подругами прошла
Со снисходительным поклоном.
Пусть в вышине колокола
Нерадостным вещают звоном, —
Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли... Ласточек семья
Над папертью, визжа, метнулась.
Мальчишки, убегая вдаль,
Со смеху прыснули неволью.

¹ Такая молодая... Какой ангел... (фр.) – *Ред.*

² Складная шляпа, цилиндр на пружинах (фр.) – *Ред.*

Смеюсь, – а мне чего-то жаль.
Молчит, – а ей так больно, больно.
А колокольные кресты
Сквозь зеленеющие ели
С непобедимой высоты
На небесах заогневели.
Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Лениво громыхая где-то.

1905–1908

Серебряный Колодезь

Город

Старинный дом

В. Ф. Ходасевичу

Все спит в молчанье гулком.
За фонарем фонарь
Над Мертвым³ переулком
Колблет свой янтарь.
Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —
И световая рама
Проходит на стене;
Лишь дворник встрепенется, —
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.
Железная ограда;
Старинный барский дом;
Белеет колоннада
Над каменным крыльцом.
Листвой своей поблеклой
Шушукнут тополя.
Луна алмазит стекла,
Прохладный свет лия.
Проходят в окнах светы: —
И выступят из мглы
Кенкэты, и портреты,
И белые чехлы.
Мечтательно Полина
В ночном дезабилье
Разбитое пьянино
Терзает в полумгле.
Припоминает младость
Над нотами: «Любовь,
Мечта, весна и сладость —
Не возвратятся вновь.
Вы где, условны встречи
И вздох: «Je t'aime, Poline...»⁴
Потрескивают свечи,
Стекает стеарин.
Старинные куранты

³ Переулок в Москве

⁴ Я люблю тебя, Полина... (фр.) – *Ред.*

Зовут в ночной угар.
Развеивает банты
Атласный пеньюар.
В полуослепшем взоре
Воспоминаний дым,
Гардемарин, и море
И невозвратный Крым,
Поездки в Дэрикоэ,
Поездки в Учан-Су...
Пенснэ лишь золотое
Трясется на носу.
Трясутся папильотки,
Кольшется браслет
Напудренной красотки
Семидесяти лет.
Серебряные косы
Рассыпались в луне.
Вот тенью длинноносой
Взлетает на стене.
Рыдает сонатина
Потоком томных гамм.
Разбитое пьянино
Оскалилось – вон там.
Красы свои нагие
Закрыла на груди,
Как шелесты сухие
Прильнули к ней: «Приди, —
Я млею, фея, млею...»
Ей под ноги луна
Атласную лилею
Бросает из окна.
А он, зефира тише,
Наводит свой лорнет:
С ней в затененной нише
Танцует менуэт.
И нынче, как намедни,
У каменных перил
Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил.
Как на дворе собаки
Там дружною гурьбой
Пролаяли, – Акакий —
Лакей ее седой,
В потергом, сером фраке,
С отвислою губой: —
В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.
Шушукнет за портретом,
Покажется в окне: —

И рама бледным светом
Проходит на стене,
Лишь к стеклам в мраке гулком
Прильнет его свеча...
Над Мертвым переулком
Немая каланча.
Людей оповещает,
Что где-то – там – пожар, —
Медлительно взвивает
В туманы красный шар.

Август 1908

Суйда

Маскарад

М. Ф. Ликиардопуло

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.
Стройный черт, – атласный, красный, —
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный.
Грациозный па д'эспань, —
Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин госте рад.
Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: —
Входит гостья, щелкнет костью,
Взвевет саван: гостья – смерть.
Гость: – немое, роковое,
Огневое домино —
Неживую головою
Над хозяйкой склонено.
И хозяйка гостя вводит,
И хозяин госте рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.
Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.
Закрутив седые баки,
Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.
Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.
Чей-то голос раздастся:
«Вам погибнуть суждено», —
И уж в дальних залах вьется, —
Вьется в вальсе домино
С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья – смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью

Там косы сухая жердь.
Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся – никого.
Лишь, виясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.
«Злые шутки, злые маски», —
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.
Ждет. И боком, легким скоком, —
«Вам погибнуть суждено», —
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.
Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.
В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров, —
Рвутся струны страстных арф.
Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па, —
Ловит бэби в темной нише —
Ловит бэби – grand рара.
Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отградный морс.
Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.
За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.
Спит: и бэби строит куры
Престарелый grand рара.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.
Только там по гулким залам
Там, где пусто и темно —
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Меланхолия

М. Я. Шку

Пустеет к утру ресторан.
Атласами своими феи
Шушуют. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи
Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымящейся сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти,
Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там: – газовый в окне фонарь
Огненным дозирает глазом.
Над городом встают с земли, —
Над улицами клубы гари.
Вдали – над головой – вдали
Обрывки безответных арий.
И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив.
Там: – отблески на потолке
Гирляндой воздушных кружев
Протянутся. И все на миг
Зажжется желтоватым светом.
Там – в зеркале – стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом —
Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904

Москва

Отчаянье

Е. П. Безобразовой

Веселый, искрометный лед.
Но сердце – ледянистый слиток.
Пусть вьюга белоцвет метет, —
Взревет; и развернет свой свиток.
Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьется в ночь и прохочет.
Двойник мой гонятся за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль холодной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.
Душа, остановись – замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копыя!
Отцветших, отгоревших дней
Осталась песня недопета.
Пляшите, уличных огней
На скользких плитах иглы света!

1904

Москва

Пир

С. А. Полякову

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.
Мы ехали. Юна, свежа,
Плеснула перьями красotka.
А пуля плакала, визжа,
Над одинокою пролеткой.
Нас обжигал златистый хмель
Отравленной своей усладой.
И сыпалась – вон там – шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.
В «Aquarium'e» с ней шутил
Я легкомысленно и метко.
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой,
Меж пальцев задрожавших взяв
Благоуханную сигару,
Взволнованно к груди прижав
Вдруг зарывавшую гитару.
Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.
Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла: – и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.
Не дрогнул юный офицер,
Сердито в пол палаш ударив,
Как из раздернутых портьер
Лизнул нас сноп кровавых зарев.
К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.
Луч солнечный ужо взойдет;
Со знаменем пройдет рабочий:
Безумие нас заметет —
В тяжелой, в безысходной ночи.
Заутра брызнет пулемет
Там в сотни возмущенных грудей;
Чугунный грохот изошьет,

Рыдая, злая пасть орудий.
Метелицы же рев глухой
Нас мертвенною пляской свяжет, —
Заутра саван ледяной,
Виясь, над мертвецами ляжет,
Друзья мои...»
И банк метал
В разгаре пьяного азарта;
И сторублевики бросал;
И сыпалась за картой карта.
И, проигравшийся игрок,
Я встал: неузвимо строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок кидая ноги.
Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла —
Рассвета мертвое пятно.
День мервенно глядел и робко.
И гуще пенилось вино,
И щелкало взлетевшей пробкой.

1905

Москва

Укор

Кротко крадешься креповым трэном,
Растянувшись, как дым, вдоль паркета;
Снеговым, неживым манекеном,
Вся в муар серебристый одета.
Там народ мой – без крова; суровый
Мой народ в унижение и плене.
Тяжелит тебя взор мой свинцовый.
Тонешь ты в дорогом валансьене.
Я в полях надышался свинцами.
Ты – кисейным, заоблачным мифом
Пропылишь мне на грудь кружевами,
Изгибаясь стеклярусным лифом.
Или душу убил этот грохот?
Ты молчишь, легкий локон свивая.
Как фонтан, прорывает твой хохот,
Жемчужовую грудь изрывая.
Ручек матовый мрамор муаром
Задымишь, запылишь. Ты не слышишь?
Мне в лицо ароматным угаром
Ветер бледнопуховый всколышешь.

<1909>

Серебряный Колодезь

На улице

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.
Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Все отдал; и вот – я один.
Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...
А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.
Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904

Москва

Вакханалия

И огненный хитон принес,
И маску черную в кардонке.
За столиками гроздь роз
Свой стебель изогнули тонкий.
Бокалы осушал, молчал,
Камелию в петлицу фрака
Воткнул и в окна хохотал
Из душного, ночного мрака —
Туда, – где каменный карниз
Светился предрассветной лаской,
И в рдяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,
Прикидываясь мертвецом...
И пенились – шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.
Над восковым его челом
Крестились, наклонились оба —
И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба.
Один – заголосил, завыл
Над мертвым на своей свирели;
Другой – цветами перевил
Его мечтательных камелий.
В подставленный сосуд вином
Струились огненные росы,
Как прободал ему жезлом
Грудь жезлоносец длинноносый.

1906

Мюнхен

Арлекинад

Посвящается современным арлекинам

Мы шли его похоронить
Ватагою беспутно сонной.
И в бубен похоронный бить
Какой-то танец похоронный
Вдруг начали. Мы в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадильницами воскурили.
Мы колыхали красный гроб;
Мы траурные гнали дроги,
Надвинув колпаки на лоб...
Какой-то арлекин убогий —
Седой, полуслепой старик —
Язвительным немym вопросом
Морщинистый воскинул лик
С наклеенным картонным носом,
Горбатился в сухой пыли.
Там в одеянии убогом
Надменно выступал вдали
С трескучим, с вытянутым рогом —
Герольд, предвозвещавший смерть;
Там лентою вилась дорога;
Рыдало и гремело в твердь
Отверстие глухого рога.
Так улиц полумертвых строй
Процессия пересекала;
Рисуясь роковой игрой,
Паяц коснулся бледно-алой —
Камелии: и встал мертвец,
В туман протягивая длани;
Цветов пылающий венец
Надевши, отошел в тумане: —
Показывался здесь и там;
Заглядывал – стучался в окна;
Заглядывал – врывался в храм,
Сквозь ладанные шел волокна.
Предвозвещающая рогом смерть,
О мщении молил он бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.
«Вы думали, что умер я, —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя

Моими мертвыми руками.
Вы думали – я был шутом?..
Молю, да облак семиглавый
Тяжелый опрокинет гром
На род кощунственный, лукавый!»

Ноябрь 1906

Мюнхен

Похороны

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.
На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.
Смеркается.
Месяц серебряный, юный
Поднимается.
Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.
Вдоль оград, тротуаров, – вдоль скверов,
Над железной решеткой, —
Частый, короткий
Треск
Револьверов.
Свищут пули, кося...
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям взвился.
Глуше напев похорон.
Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен —
Там, в отдаленье – проносят.

1906

Москва

«Пока над мертвыми людьми...»

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул, дотол
Цепями ржавыми греми
Из башни каменной о воле.
Да покрывается чело, —
Твое чело, кровавым потом.
Глаза сквозь мутное стекло —
Глаза – вздетые к высотам.
Нальется в овна бирюза,
Воздушное нальется злато.
День – жемчуг матовый – слеза —
Течет с восхода до заката.
То серый сеется там дождь,
То – небо голубеет степью.
Но здесь ты, заключенный вождь,
Греми заржавленную цепью.
Пусть утро, вечер, день и ночь —
Сойдут – лучи в окно протянут:
Сойдут – глядят: несутся прочь.
Прильнут к окну – и в вечность канут.

Июнь 1907

Петровское

Прохождение

Я фонарь
Отдаю изнемогшему брату.
Улыбаюсь в закатный янтарь,
Собираю душистую мяту.
Золотым огоньком
Скорбный путь озаряю.
За убогим столом
С бедняком вечеряю.
Вы мечи
На меня обнажали.
Палачи,
Вы меня затерзали.
Кровь чернела, как смоль,
Запекаясь на язве.
Но старинная боль
Забывается разве?
Чадный блеск, смоляной,
Пробежал по карнизам.
Вы идете за мной,
Прикасаясь к разодранным ризам.
– «Исцели, исцели
Наши темные души...»
Ветер листья с земли
Взвевает шелестом в уши...
Край пустынен и нем.
Нерассветная твердь.
О, зачем
Не берет меня смерть!

1906

Мюнхен

Безумие

В полях

Я забыл. Я бежал. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.
Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали – я падал в крови:
Многочисленные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.
Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!
Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутках
Поцелуи холодной зари.
Над простором плету, неподвижен,
Из колючей крапивы венки.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.
Ветер, плачущий брат мой, – здесь тихо.
Ты пролей на меня свою соню.
Иступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

1907

Париж

Матери

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал —
Никто: только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.
Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень —
Потухший пламень... — нести.
Собрала их ко мне — могила.
Забыли все с того дня.
И та, что — быть может — любила,
Не узнает теперь меня.
Испугаю их темью впадин;
Постучусь — они дверь замкнут.
А здесь — от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.
Нет. — Спрячусь под душные плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном вздыхать.

*Январь 1907
Париж*

Полевой пророк

В. В. Владимирову

Средь камней меня затерзали:
Затерзали пророка полей,
Я на кость – полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.
Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу, —
Как прошло: всё прошло – отошло.
Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.
Поле – дом мой. Песок – мое ложе.
Полог – дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.
Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я – просторов рыдающих сторож,
Исходивший великую Русь.

Январь 1907

Париж

Успокоение

Ушел я раннею весной.
В руках протрепетали свечи.
Покров линючей пеленой
Обвил мне сгорбленные плечи.
И стан – оборванный платок.
В надорванной груди – ни вдоха.
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;
На леденистое стекло
Ногою наступил и замер...
Там – время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.
Сложивши руки, без борьбы,
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:
В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах.
Там вечером – и нем, и строг —
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.
И как повеяло весной,
Я убежал из душных камер;
Унялся юною луной;
И средь полей блаженно замер;
Мне проблистала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал;
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей ледяных игол.
Мне крова душного не жаль.
Не укрываю головы я.
Смеюсь – засматриваюсь вдаль:
Затешил свечи восковые,
Склоняясь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи —
Чертополох, чертополох:
Кусается, – и гасит свечи.
И вот свеча моя, свеча,
Упала – в слякоти дымится;
С чела, с кровавого плеча
Кровавая струя струится.
Лежу... Засыпан в забытье

И тающим, и нежным снегом,
Слетающим – на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.

1904–1906

Москва

В темнице

Пришли и видят – я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу.
В очах – нет слез, в груди – нет вздохов.
Мне жить в застенке суждено.
О да – застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.
Да, – я проклятие изрек
Безумству ввысь взлетевших зданий.
Вам не лишит меня вовек
Зари текучих лобызаний.
Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый.
Мне говорят, что я – умру,
Что худ я и смертельно болен,
Но я внимаю серебру
Заклокотавших колоколен.
Уйду я раннею весной
В линиючей, в пламенной порфире
Воздвигнуть в дали ледяной
Двухзвездный, блещущий дикирий.

1907

Москва

Утро

Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О нет – я не болен.
Воздетые руки горе на одре – в серебре.
Там в пурпуре зори, там бури – там в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я – глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает – золотой в золотые лазури.
Поймали, свалили; на лоб положили вомпресс.

1907

Москва

Друзьям

Н. И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел,
Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.
Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.
Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.
Пожалеете, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь —
Вернусь!

Январь 1907

Париж

Просветы

Поповна

З. Н. Гиппиус

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.
В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.
Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.
Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет. Над ней порхает
Капустный мотылек.
Над пыльной листвою,
Наряжен, вымыт, чист, —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.
Лукаво и жестоко
Блестят в лучах зари —
Его младое око
И красные угри.
Прекрасная поповна, —
Прекрасная, как сон,
Молчит, – зарделась, словно
Весенний цвет пион.
Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик золотых веснушек
Загар рассыпал сеть.
Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют курослепы.
Играет ветерок.
Вдали над косарями
Огни зари горят.
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель.
И там, где крест железный, —
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.
Не терпится кокетке
(Семь бед – один ответ).
Пришпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.
А он: «Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час».
Но розовые юбки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.
Предавшись сладким мукам
Прохладным вечерком,
В лицо ей дышит луком
И крепким табаком.
На баске безотчетно
Раскальвает брошь
Своей рукою потной, —
Влечет в густую рожь.
Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик золотых веснушек
Загар рассыпал сеть.
Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.
В подряснике холщовом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену.
«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять недоглядела!»
И смотрит – смотрит в ночь.
И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо да скворечник
На согнутом шесте.
С дебелой попадвеею

Всю ночь бранится он,
Летучею струею
Зарницы осветлен.
Всю ночь кладет поклоны
Седая попадья,
И темные иконы
Златит уже заря.
А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонен семинарист.
Кольшется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.
Близ речки ставят верши
В туманных камышах,
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1906

Москва

Жизнь

В. И. Иванову

Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, вспять идти – нельзя.
Вот она – протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя!
Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко вдаль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?
Лучевые копыя, предзакатные,
Изорвали грудь своим огнем.
Напоили волны перекатные
Ароматно веющим вином.
Как зарей вечернею, зеленою, —
Как поет восторг, поет в груди!
Обрываются полосой студеною
Надо мной хрустальные дожди.
Всё поля – кругом поля горбатые,
В них найду покой себе – найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копыя острые, паду.

Август 1906

Серебряный Колодезь

Все забыл

Г. Гюнттеру

Я без слов: я не могу.
Слов не надо мне.
На пустынном берегу
Я почил во сне.
Не словам, – молчанью, брат,
О, внемли, внемли.
Мы – сияющий закат,
Взвеванный с земли.
Легких воздушных крутят
Легкие моря.
Днем и сумраком объят, —
Я, как ты, – заря.
Это я плесну волной
Ветра в голубом.
Говорю тебе одно,
Но смеюсь – в другом.
Пью закатную печаль —
Красное вино.
Знал: забыл – забыть не жаль
Все забыл давно.

Март 1906

Москва

Кроткий отдых

Я изранен в неравном бою.
День мой труден и горек.
День пройдет: я тебя узнаю
В ласке тающих зорек.
От докучных вопросов толпы
Я в поля уйду без ответа:
А в полях – золотые снопы
Беззакатного света.
Дробный дождик в лазурь
Нежным золотом сеет над нами:
Бирюзовые взоры не хмурь —
Процелуй, зацелуй ветерками.
И опять никого. Я склонен, —
Я молюсь пролетающим часом.
Только лен
Провекает атласом.
Только луг
Чуть сверкает в сырой паутине,
Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

*Февраль 1905
Москва*

Ты

Меж сиреней, меж решеток
Бронзовых притих.
Не сжимают черных четок
Пальцы рук твоих.
Блещут темные одежды.
Плещет темный плат.
Сквозь опущенные вежды
Искрится закат.
У могил, дрожа, из келий
Зажигать огни
Ты пройдешь – пройдешь сквозь ели:
Прошумят они.
На меня усталым ликом
Глянешь, промолчишь.
Золотое небо криком
Остро взрежет стриж.
И, нарвав сирени сладкой,
Вновь уйдешь ты прочь.
Над пунцовой лампадкой
Поднимаюсь в ночь.
Саван крест росую кропит,
Щелкнет черный дрозд,
Да сырой туман затопит
На заре погост.

1906

Дедово

Обет

Ты шепчешь вновь: «Зачем, зачем он
Тревожит память мертвых дней?»
В порфире легкой, легкий демон,
Я набегаю из теней.
Ты видишь – мантия ночная
Пространством ниспадает с плеч.
Рука моя, рука сквозная,
Приподняла кометный меч.
Тебе срываю месяц – чашу,
Холодный блеск устами пей...
Уносимся в обитель нашу
Эфиром плещущих степей.
Не укрывай смущенных взоров.
Смотри – необозримый мир.
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир,
Протянут огневые струны
На лире, брошенной в миры.
Коснись ее рукою юной:
И звезды от твоей игры —
Рассыплются дождем симфоний
В пространствах горестных, земных:
Там вспыхнет луч на небосклоне
От тел, летящих в ночь, сквозных.

Июль 1907

Москва

Горемыки

Изгнанник

М. И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.
Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы камнями.
Вы в исступленье скоротечном
Моими тешились мученьями.
Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник
Меж золотистых, хлебных пажитей.
Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.
Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.
Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Июнь 1904

Москва

Бегство

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.
А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючей, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной,
Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.
И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.
Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
«Ведут – арестанта ведут».
Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;
Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.
Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.
В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок...
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.
Ночь кинулась птицею черной
На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.
Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.
Безжизненно в небо уткнулся
Церковный серебряный шпич.
И ветел старинные палки;
И галки, – вот там, и вот здесь;
Подгорные, длинные балки:
Пустынная, торная весь.
Сердитая черная туча.

Тревожная мысль о былом.
Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом:
С сигаркой в зубах среди колец
Табачных в просторе равнин,
Над нею склонил богомолец
Клоки поседевших седин.
Россия, увидишь илюбишь
Твой злой полевой небосклон.
«Зачем ты, безумная, губишь» —
Гармоники жалобный стон;
Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?!
Но слышу, бездомный скиталец,
Погони далекую рысь,
Как в далях шлагбаум свой палец
Приподнял в холодную высь.

1906

Малевка

Путь

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.
Звонит колоколец невнятно.
Я болен – я нищ – я ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.
Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.
Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.
Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, —
И дале – и дале – и дале —
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906

Дедово

Побег

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели – глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.
Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим как снег.
Я спою про холодную осень, —
Про отважный спою я побег.
Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегая вдоль дальней межи —
Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.
Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:
Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листья.
Я бегу... А ты?

1906

Москва

Осень

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь – нахмурила брови.
Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.
Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.
С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906

Мюнхен

Успокоение

Л. Л. Кобылинскому

1

Вижу скорбные дали зимы,
Ветер кружева вьюги плетет.
За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лёт.
Жизнь расплывается сном —
День за днем.
Мучают тени меня
В безднах и ночи, и дня.
Плачу: мне жалко
Былого.
Времени прялка
Вить
Не устанет нить
Веретена рокового.
Здесь ты терзайся, юдольное племя:
В окнах тюрьмы —
Саван зимы.
Время,
Белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные оросятся;
Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.
Здесь воздеваю бессонные очи, —
Очи,
Полные слез в огня.
Рушусь извечно в провалы я ночи
Здесь с догорающим отсветом дня.
В окнах тюрьмы —
Скорбные дали, —
Вуали
Зимы.

2

Ночь уходит. Луч денницы
Гасит иглы звезд.
Теневой с зарей ложится

Мне на грудь оконный крест.
Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:
Улыбаюсь я, распятый —
Тьмой распятый в блеске дня.
Простираю из могилы
Руки кроткие горе,
Чтоб мой лик нездешней силой
Жег и жег, и жег в заре,
Чтоб извечно в мире сиром,
Вечным мертвецом,
Повисал над вами с миром
Мертвенным челом —
На руках своих пронзенных,
В бледном блеске звезд...
Вот на плитах осветленных
Теневой истаял крест: —
Гуще тени. Ярче звуки.
И потоки тьмы.
Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

3

Плачу. Мне жалко
Света дневного.
Времени прялка
Вновь начинает вить
Нить
Веретена рокового.
Время белые кони несут:
В окна грива метельная просится;
Скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.
Воздеваю бессонные очи —
Очи,
Полные слез и огня,
Я в провалы зияющей ночи,
В вечеряющих отсветах дня.

1905
Москва